

**Михаил Михайлович Бахтин в исследованиях
итальянских ученых
(посвящается 125-летию со дня рождения мыслителя)**

Аннотация. В августе 2020 г. состоялся онлайн-диалог Натальи Ивановны Ворониной, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, директора Центра М.М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва с итальянскими славистами – профессором Стефано Гардзонио и Чинцией Кадамьяни, которые ответили на вопросы о современном состоянии бахтиноведения в Италии.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, итальянское литературоведение, лингвистика и искусствоведение, позиции диалога и вневременности, культурные и литературные связи Италии и России.

Наталья Воронина. Сегодня на страницах «Бахтинского вестника» гости из Италии – Стефано Гардзонио и Чинция Кадамьяни. Прежде всего, я представляю наших гостей.

Стефано Гардзонио – один из крупнейших исследователей русской литературы и культуры, профессор русского языка и литературы на факультете иностранных языков и литературы Пизанского университета. В 2007 г. В.В. Путин наградил его медалью А.С. Пушкина, а в 2010 г. он получил литературную премию «Глобус». Неутомимый коллекционер, он собрал гигантскую русскоязычную библиотеку. *Область научных интересов:* творчество М.М. Бахтина, история и теория русского стиха, русская литература XVIII в., русская поэзия XIX – начала XX в., литературные и культурные связи между Италией и Россией, история русского зарубежья. *Научные публикации:* более 300 статей (на итальянском, русском, английском, французском и литовском языках), книг и переводов с русского языка. На русском языке изданы две монографии: «Статьи по русской поэзии и культуре XX века» (М., 2006) и «Осколки русской Италии» (М., 2011). *Научно-организационная деятельность:* президент Ассоциации итальянских славистов; член Международного комитета славистов; член Исполнительного комитета Международного совета по изучению Центральной и Восточной Европы (ICSEES).

Чинция Кадамьяни – доцент русского языка и литературы департамента филологии, литературы и языкознания Пизанского университета. Ученица профессора Гардзонио. Участвует в международных конференциях и проводит исследования в архиве Московского лингвистического кружка, хранящегося в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. *Область научных интересов:* литературная критика в России первых десятилетий XX в., в частности, русский формализм; русская литература XIX в.; творчество Льва Толстого и его восприятие в Италии; русская эмиграция в Европе; методика преподавания русского языка как иностранного. *Научные публикации:* автор научных статей и соредатор итальянского издания работ М. Шапира «Universum Versus. Saggi di teoria del verso e di teoria della letteratura» (2013); автор монографии «Un formalista sui generis: Boris Jarcho e la sua scienza esatta della letteratura» (2018), посвященной Б.И. Ярхо. Среди переводов с русского языка следует указать, прежде всего, перевод на итальянский язык книги П. Басинского «Бегство из рая» («Fuga dal paradiso. La vita di Lev Tolstoj»). Roma: Carocci, 2014). *Научно-организационная деятельность:* член Итальянского комитета славистов.

Наталья Воронина. Уважаемые Стефано и Чинция! Я благодарю вас за честь, которую вы оказали нашему журналу, согласившись на этот разговор. Конечно, первый вопрос будет связан с контекстом современного итальянского бахтиноведения. Скажите, пожалуйста, как складывается судьба творческого наследия М.М. Бахтина в Италии?

Стефано Гардзонио. В шестидесятые годы прошлого столетия, в связи с общим подъемом структурализма на Западе, в Италии стал подниматься интерес к русскому формализму. Ключевым моментом оказалось издание во Франции антологии Т. Тодорова «*Théorie de la littérature*» (1965, пред. Р.О. Якобсона), которая вышла в Италии в 1968 г. под названием «*I formalisti russi*». Здесь решающую роль сыграл Витторио Страда, еще в 1964 г. первым обративший внимание итальянских критиков и литературоведов на формальную школу и на новый советский структурализм (статья «*Formalismo e neoformalismo*» в журнале «*Questo e altro*»). В те же годы У. Эко и Р. Факкани предложили итальянскому читателю антологию работ советского структурализма «*I sistemi di segni e lo strutturalismo sovietico*» (1969) (от применения точных методов А.Н. Колмогоровым до рождающейся тогда новой семиотической московско-тартуской школы). Далее стали появляться многочисленные переводы и истолкования русских формалистов (от Ю. Тынянова до В. Шкловского, посетившего Флоренцию в 1975 г. в связи с 600-летием со дня смерти Дж. Боккаччо, и Р. Якобсона, участвовавшего в 1974 г. в Международном конгрессе по семиотике, организованном У. Эко в Милане). В 1973 г. Клара Страда-Янович издала подготовленную Ю. Лотманом и Б. Успенским антологию работ новой советской семиотики «*Ricerche semiotiche. Nuove tendenze delle Scienze Umane in URSS*».

Общий интерес к советскому формализму и к новой семиотической школе стал поводом и для ознакомления итальянского читателя с наследием Бахтина, хотя сразу стало ясным, что бахтинский подход глубоко отличался от формального метода (не буду касаться вопроса, филологом или философом был Бахтин, но я во многом разделяю в этом отношении мнение М.Л. Гаспарова).

Итак, в том же 1968 г. у того же издателя Эйнауди (по совету В. Страды) вышла знаменитая книга Бахтина о Достоевском в переводе Дж. Гарритано. Затем В. Страда вместе с женой К. Страда-Янович издали итальянский перевод книги Бахтина «*Вопросы литературы и эстетики*» («*Estetica e romanzo*», 1979). В том же году у Эйнауди вышел перевод книги Бахтина «*Творчество Франсуа Рабле*». В 1986 г. В. Страда издал работу Бахтина о Толстом; в 1988 г., под редакцией В. Страды и К. Страда-Янович, вышел итальянский перевод книги «*Эстетика словесного творчества*» («*L'autore e l'eroe: teoria letteraria e scienze umane*»).

Не будем далее проследивать историю изданий работ Бахтина на итальянском языке. То, что важно отметить, это большой успех, которым пользовались идеи и работы Бахтина в Италии – и не только среди славистов. Дело в том, что в течение последних десятилетий XX в. итальянская теория литературы пережила подъем в связи с утверждением главных школ эпохи (от структурализма до семиотики, постструктурализма и деконструктивизма), что и привело к оригинальному итальянскому подходу к разным методам и авторам. Это касается и освоения творческого наследия Бахтина.

В 1984 г. вышла в переводе (с предисловием В. Страды) монография о Бахтине К. Кларк и М. Холквиста. Вскоре в Италии появились центры по изучению наследия Бахтина. Я имею в виду деятельность крупнейшего итальянского бахтиноведа, специалиста по философии языка Аугусто Понцио, который организовал центр по изучению бахтинского наследия. Он не только издавал многочисленные работы Бахтина и о Бахтине (например, сборник статей «*Vjačeslav Ivanov, Julia Kristeva e altri*», «*Michail Bachtin. Semiotica, teoria della letteratura e marxismo*» (1977), книги Медведева-Бахтина (1978) и Бахтина-Волошинова (1988, 1999 и т. д.), но и написал статьи и книги, посвященные Бахтину (например, монография «*Michail Bachtin. Alle origini della semiotica sovietica*» (1980) или этюд о диалоге и дружности «*Scrittura, dialogo e alterità. Tra Bachtin e Lévinas*» (1994)). В то же время он поддерживал работу молодых ученых-бахтиноведов, среди которых М. де Микиел, которая выпустила несколько новых переводов бахтинских работ. Интерес к Бахтину проявляют и семиотики-текстологи Павийского университета (например, Чезаре Сегре, занимавшийся вопросом хронотопа в романе, и об этом выступивший с докладом на эту тему на XIV International Bakhtin Conference, Bertinoro, 4–8 luglio 2011). Стоит упомянуть также профессора Павийского университета семиотика Паоло Якиа, написавшего монографию о Бахтине в 1992 г., и Массимо Бонафин, изучавшего бахтинскую концепцию пародии и карнавализации.

Наталья Воронина. *Итальянских исследователей познакомил с трудами М.М. Бахтина в конце 1960-х гг. Витторио Страда. Какие труды М.М. Бахтина получили в Италии наибольшую известность?*

Стефано Гардзонио. Сначала Бахтина стали читать как исследователя Ф.М. Достоевского. Его книга о Достоевском появилась одновременно с изданием итальянского перевода книги Л. Гроссмана (L. Grossman, *Dostoevskij*, 1968) и была включена в библиографические списки всех университетских курсов. Кроме того, она вошла в общее русло итальянской науки о Достоевском, представленной тогда не только славистами, но и специалистами по философским наукам и психологии. Благодаря интересу к новой советской науке о литературе 1970-х гг. и, в частности, к утверждению семиотики (работы У. Эко, Д.С. Авалле, Ч. Сегре, Марии Корти и т. д.) интерес к Бахтину вскоре перешел границы славистики. В 1974 г. в Милане состоялся первый Съезд международного общества семиотических исследований с участием У. Эко, Р. Якобсона, Р. Барта и др.; далее новая наука стала влиять и на другие гуманитарные дисциплины. Безусловно, книга Бахтина о Рабле, изданная на итальянском языке в 1979 г., привлекла внимание историков-медиевистов и культурологов. Она пользовалась огромным успехом и одновременно вызвала споры и полемику со стороны медиевистов. Если у Авалле интерес к Бахтину стал также поводом для выделения особого пути в семиотических исследованиях (скажу об этом позже), то издания 1979 и 1988 гг. дали импульс для особого подхода к вопросам об авторстве, диалогичности, о проблеме вневсего и т. д., что и сделало Бахтина одним из основных ориентиров литературной критики эпохи, безусловной вехой в новой науке о литературе (правда, порой не без шаблонного повторения определенных формул и произвольного употребления бахтинской терминологии). Одновременно Бахтина стали читать как философа или, лучше сказать, обратились к выявлению этических принципов его отношения к жизни и к культуре. Сегодня имя Бахтина глубоко укоренилось в культурной жизни научно-гуманитарного мира Италии.

Наталья Воронина. *В 1980 г. в Италии вышел в свет сборник статей под редакцией Д'Арко Сильвио Авалле, который назывался «Культура русской традиции в XIX и XX веках». В него вошли работы Веселовского, Потебни, Бахтина, Лотмана и др. На страницах, посвященных Бахтину, Авалле выделяет ряд бинарных оппозиций (эпос/роман, неподвижный/подвижный, трагический/комический и т. д.) в бахтинской концепции литературы. Оппозиции, как он полагает, прослеживаются вплоть до гумбольдтовских категорий «эргон» и «энергейя». Согласно Авалле, самый слабый аспект теоретического наследия Бахтина – его концепция комического и карнавала. Разделяете ли Вы точку зрения Авалле?*

Стефано Гардзонио. Сборник статей под редакцией Д'Арко Сильвио Авалле вышел сначала как специальный номер известного журнала «*Strumenti critici*» (№№ 42–43, 1980), сыгравшего в эти годы важную роль в распространении идей структурализма и семиотики, в том числе русской науки о литературе (еще в 1967 г. В. Страда напечатал в нем работу Ю. Тынянова о «Евгении Онегине»). Как мне кажется, данное издание сильно отличается от предыдущих книг по русской теории культуры и литературы. Авалле был глубоко впечатлен общетеоретическим значением работ А. Веселовского и Потебни (ему принадлежит очень интересная книга под заглавием «*Veselovskij, Boccaccio, Sade. La fanciulla perseguitata*», 1977) и в то же время он стремился «схватить» основные черты русской культурологии. В книгу вошли работы новой московско-тартуской школы (Ю. Лотман, Б. Успенский, В. Топоров, Вяч. Иванов, Е. Мелетинский), исследования Н. Трубецкого о Достоевском и Толстом и глава Д. Лихачева «Бунт кромешного мира» из книги «Смеховой мир Древней Руси» (в соавторстве с А. Панченко) с рецензией Ю. Лотмана и Б. Успенского на эту книгу. В этих работах были указаны сходства и различия между европейским карнавальным миром и русским антимиром, и в то

же время подчеркивалась вся проблемность самой бахтинской концепции карнавализации. Что касается собственно Бахтина, в сборник вошла лишь его статья «*Ответ на вопрос редакции "Нового мира"*» (1970), которая по содержанию глубоко связана с самой концепцией антологии, так как в ней Бахтин обрисовал общую картину русской теории литературы и подчеркнул значение Веселовского и Потебни. Авалле исключил из антологии всех представителей формальной школы и представил Бахтина в качестве самого значительного звена между старой школой Веселовского и Потебни и послевоенной советской культурологией.

В предисловии к сборнику Авалле выделяет ряд бинарных оппозиций (эпос/роман, неподвижный/подвижный, трагический/комический и т. д.) в бахтинской концепции литературы; оппозиции, как он полагает, прослеживаются вплоть до гумбольдтовских категорий «эргон» и «энергейя». Именно гумбольдтизм Потебни, считает Авалле, сыграл важную роль в концепциях Бахтина и Волошинова и через Бахтина мог влиять на лотмановские концепции семиотики и культурологии. Бахтин, как подчеркивает Авалле, различает объективность филологического подхода (вживание) и диалог между текстом и читателем (его вненаходимость). В то же время итальянский ученый отмечает у Бахтина довольно свободный подход к истории восприятия комического и пародии в западноевропейском Средневековье, что и находит аналогию, как отмечают Успенский и Лотман в рецензии на книгу «*Смеховой мир Древней Руси*», в применении Лихачевым бахтинских категорий в трактовке русского смехового мира. Итак, по моему мнению, Авалле-культуролог признает новаторское значение общей концепции Бахтина для науки о литературе, а Авалле-медиевист предостерегает о некоторых элементах упрощения в бахтинской теории комического и карнавала. Как мне кажется, все эти вопросы до сих пор являются открытыми, и во многом концепция Бахтина относится к вопросам этики свободы и утверждения личности.

Наталья Воронина. Спасибо. А что бы Вы могли сказать о новых переводах и о современном прочтении М.М. Бахтина? Каков контекст современного итальянского бахтиноведения?

Чинция Кадамьяни. С момента первого знакомства с творчеством Бахтина в годы подъема структурализма в Италии интерес к его произведениям никогда не ослабевал. В начале нового тысячелетия главную роль в распространении наследия Бахтина продолжали играть, прежде всего, бахтиноведы Аугусто Понцио и Маргерита де Микиел. Кроме трудов, опубликованных в течение 1970–1990-х гг. прошлого столетия, итальянские читатели обязаны еще Понцио (и) другим такими важными работами, как, например, книга «*Tra semiotica e letteratura: introduzione a Michail Bachtin*» (2003), где автор поставил перед собой задачу определения значимости и специфического характера сложного теоретического значения бахтинских исследований, и сборник «*Michail Bachtin e il suo circolo: opere 1919–1930*», в котором собраны итальянские переводы разных работ Бахтина («*Искусство и ответственность*», «*К философии поступка*» и «*Эстетика словесного творчества*»). В 2001 г. М. де Микиел, которая в 1997 г. перевела книгу Бахтина о Достоевском (в редакции 1929 г.) и совместно с Понцио подготовила итальянское издание книги, опубликовала подробный анализ изменений, которые Бахтин внес в вариант 1963 г. Работу чтения-интерпретации-перевода, посвященную Бахтину, продолжила специалист по философии языка и семиотике Сьюзен Петрилли в книге «*Altrove e altrimenti. Filosofia del linguaggio, critica letteraria e teoria della traduzione in, intorno e a partire da Bachtin*» (2012), где она поставила перед собой цель подчеркнуть философско-семиотическое значение работ Бахтина. Значительный вклад в изучение творческого наследия Бахтина внесла и миланская исследовательница Стефания Сини, которой принадлежит весьма оригинальный труд о Бахтине «*Bachtin. Una critica del pensiero dialogico*» (2011)¹. Важным

¹ Добавим: в марте 2016 г. состоялась презентация работы Стефании Сини «*Venti anni di studi di Michail Bachtin in lingua russa: repertorio bibliografico ragionato e commentato (1995–2015)*». URL: <https://igiti.hse.ru/news/179191686.html>

этапом дискуссии в современном восприятии творческого наследия Бахтина стала уже упомянутая XIV Бахтинская конференция, организованная Болонским университетом в 2011 г. в г. Бертиноро, в которой участвовало более 100 исследователей со всего мира.

Наталья Воронина. *В 1980 г. Умберто Эко откликнулся на дискуссию вокруг «Рабле», но предпочел обойти полным молчанием то влияние, которое Бахтин оказал на его собственные теоретические построения о литературе, о взаимоотношении автора и героя, по проблеме «границ интерпретации». На каких итальянских ученых Бахтин оказал заметное влияние (которые не стали это влияние маскировать)?*

Стефано Гардзонио, Чинция Кадаманьяни. Прежде всего, Бахтин оказал заметное влияние на изучение вопросов, связанных с теорией романа. Приведем в качестве примера работы Ч. Казес о теориях романа Бахтина и Лукача (1979) и Ч. Сегре об истоках средневекового романа и теории Бахтина (1984). В разработке критических идей Сегре ключевыми стали концепты *точка зрения* и *полифония*, которые дали название его статье – «Точка зрения и полифония в нарратологическом анализе», опубликованной впервые в 1981 г. и вошедшей в книгу «Театр и роман» (1984). Следует упомянуть изданную М. Бонафином в 1984 г. обширную библиографию трудов Бахтина и работ о Бахтине, изданных в Италии, которая демонстрирует большой интерес итальянского научного сообщества к наследию Бахтина и к перспективам его применения в современной науке о литературе. Что касается работы о Рабле, то следует отметить рецензию на эту книгу крупного специалиста по французской литературе Дж. Маккия (1981), который, с одной стороны, подчеркивал новаторский подход Бахтина к смеховой культуре, с другой – отмечал отсутствие в книге анализа творчества Сервантеса. Необходимо также подчеркнуть, что некоторые бахтинские понятия и исследовательские подходы (*хронотоп*, *дружость*, *внезаходимость*, теория диалога и т. д.) стали широко применяться в Италии – порой уже без отсылки непосредственно к Бахтину и его трудам. Что касается собственно работы о Рабле и концепции карнавала, следовало бы углубить анализ влияния Бахтина на творчество итальянского драматурга, режиссера, теоретика сценического мастерства Дарио Фо (1926–2016).

Наталья Воронина. *Каково Ваше личное отношение к концепциям и концептам Бахтина. Что открыли вы в них для себя? Какие из них вы включаете в контексты своих исследований?*

Чинция Кадаманьяни. Фундаментальными в контексте моих исследований были не столько знаменитые концепты диалогизма или концепции полифонического романа и карнавальной культуры, благодаря которым Бахтин стал известен на Западе, сколько его работы о языке. Как исследователь русского формализма и, в частности, творческого наследия теоретика литературы и стиховеда Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942), я обратила свое внимание в основном на эссе, написанные в 1926–1930 гг., в которых Бахтин критикует формальный метод и где теория знаков переплетается с теорией идеологии. Среди них, кроме книги «*Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику*» (1928), следует упомянуть статьи «*Слово в жизни и слово в поэзии*» (1926), где философ отвергает дихотомию язык поэтический/язык практический, и «*О границах поэтики и лингвистики*» (1930), в которой он осуждает превосходство лингвистики над поэтикой при изучении художественного произведения.

Наталья Воронина. *Я благодарю вас за не просто интересный, но и фундаментальный информативный материал, который вы подробно представили нашему читателю.*

Многие работы итальянских бахтиноведов не всегда доступны нам или просто не переведены на русский язык. Благодаря вам сегодня высветились проблемы бахтиноведения, которые разрабатываются учеными Италии. Думаю, что наш диалог будет способствовать плодотворному взаимодействию и самих ученых в наших странах, и продвижению переводческой деятельности, столь необходимой в нашем диалоге. Надеюсь, что вы будете нашими почетными гостями на предстоящей XVII Международной Бахтинской конференции в июле 2021 г. До встречи в Саранске!

Mikhail Bakhtin in the research of Italian scientists
(dedicated to the 125th anniversary of Bakhtin's birth)

Annotation. In August 2020, an online dialogue was held between Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the M.M. Bakhtin Center of National Research Mordovia State University Natalia Ivanovna Voronina with Italian Slavic scholars Professor Stefano Gardzonio and Cinzia Cadamagnani, who answered the questions about the current state of Bakhtin studies in Italy.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Italian literary criticism, linguistics and art history, positions of dialogue and outsideness, cultural and literary ties between Italy and Russia, Russian formalism.